

18. Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.
19. Углов Ф.Г. Резекция лёгких. М.: Медгиз, 1954.
20. Федотова В.Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами // Общественные науки и современность. 2004. № 5.

* * *

1. Amvrosova S.V. «Dialogicheskie» otnosheniya v hudozhestvennom tekste // Principy funkcionirovaniya jazyka v ego rechevyh raznovidnostyah. Perm', 1984.
2. Amosov N.M. Algoritmy razuma. Kiev: Nauk. dumka, 1979.
3. Amosov N.M. Oчерки torakal'noj hirurgii. Kiev: Gos. med. izd-vo USSR, 1958.
4. Bazhenova E.A. Nauchnyj tekst kak sistema subtekstov: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2001.
5. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1979.
6. Bahtin M.M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb.: Azbuka, 2000.
7. Vargina E.I. Nauchnyj tekst : funkciya vozdeystvija: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04. SPb., 2004.
8. Duskaeva L.R. Dialogichnost' gazetnyh tekstov 1980–1990-h gg. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Perm', 1995.
9. Kozhina M.N. O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi. Perm', 1986.
10. Kozhina M.N. Dialogichnost' kak kategorial'nyj priznak pis'mennogo nauchnogo teksta // Oчерки nauchnogo stilja russkogo literaturnogo jazyka HVIII–HH vv. T. 2. Stilistika nauchnogo teksta (obshhie parametry). Ch. 2. Kategorii nauchnogo teksta : funkcional'no-stilisticheskij aspekt. Perm', 1998.
11. Krasavceva N.A. Vyrazhenie dialogichnosti v pis'mennoj nauchnoj rechi (na materiale anglijskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 1987.
12. Krasil'nikova L.V. Dialogicheskaja struktura nauchnogo diskursa v zhanre nauchnoj recenzii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 1995.
13. Kotjurova M.P. Smyslovaja struktura russkogo nauchnogo teksta i ee jekstralingvisticheskie osnovanija (funkcional'no-stilisticheskij aspekt) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Sverdlovsk, 1989.
14. Krasnyh V.V. Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikacija). M. : Dialog-MGU, 1998.
15. Rakitina S.V. Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo nauchnogo teksta: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Volgograd, 2007.
16. Kurbanova Z.F. Dialogichnost' nauchnoj prozy v aspekte jekspressivnosti i pragmatiki: na materiale special'noj literatury po fizike : avtoref.

- dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Mahachkala, 2004.
17. Matveeva T.V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij. Sverdlovsk, 1990.
18. Prohvatilova O.A. Pravoslavnaja propoved' i molitva kak fenomen zvuchashhej rechi. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999.
19. Uglov F.G. Rezekcija ljogkih. M.: Medgiz, 1954.
20. Fedotova V.G. Kommunikacija i dialog v nauke i za ee predelami // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 5.

Dialogue as one of the mechanisms of text formation in the process of scientist's discursive work

Dialogical character is considered not only as a text category, style determining factor, but also as a text mechanism which in its orientation at an addressee, its presupposition, intuition, understanding allows tracing the process of actualization of the intention and the stages of representation of sender's new knowledge.

Key words: dialogical character of a scientific text, mechanism of text formation, linguistic, verbal, discursive means of dialogical character expression.

(Статья поступила в редакцию 22.12.2014)

И.Г. ЧЕБОТАРЕВ
(Волгоград)

КОНЦЕПТ «ЛЖЕЮРОДСТВО» В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматривается и детализируется концепт «лжеюрродство», выделяются конститутивные признаки его понятийной составляющей. При анализе текстового материала устанавливается взаимосвязь понятий «имидж», «роль», «образ» применительно к поведению лжеюрродивого. Выявляются ценностные ориентиры лжеюрродивых и их типичные коммуникативные стратегии формирования положительного имиджа и манипулирования окружающими.

Ключевые слова: концепт, лжеюрродство, ценности, имидж, роль, образ.

«Лжеюрродство» представляет собой антинормию культурного концепта «юрродство». Цель данной статьи – проанализировать содер-

жание этих концептов и рассмотреть на примерах их существенные различия. Обращаясь к лингвокультурным концептам, приведем их базовые характеристики. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [16, с. 40]. В обобщенном определении «концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [7, с. 98]. Профессор В.И. Карасик характеризует лингвокультурный концепт в виде «кванта переживаемого опыта, который моделируется как трехмерное образование, в составе которого можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики», который связан с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется [8, с. 9].

Если *юрродство* с позиции лингвистики получило некоторое освещение (В.А. Маслова проанализировала «представления о человеке – дурак и юродивый» [10]; Е.В. Маслий кратко описала «концепт “юрродство” как самобытный феномен русской культуры» [9]; «языковое представление авторской метафоры Ф.М. Достоевского “юрродивый персонаж есть христоликий персонаж”» было рассмотрено Н.А. Азаренко [1]), то *лжеюрродство* фактически не подвергалось лингвистическому изучению. О.А. Дмитриева в своей работе «Языковая репрезентация концептов “юрродство” и “лжеюрродство” в русской лингвокультуре» [5] указала на конститутивные признаки сравнимых концептов, акцентируя внимание на основном диагностическом признаке, лежащем в основе разделения *лжеюрродства* и *юрродства* – ценностной составляющей. Разделяя мнение О.А. Дмитриевой, в статье мы детализируем описание концепта *лжеюрродство*, сопровождая его текстовыми примерами.

Для анализа понятийных характеристик концептов «юрродство» и «лжеюрродство» обратимся к словарным дефинициям. В «Большом толковом словаре русского языка» дефиниция *юрродство* представлена следующим образом: «1. Поведение, свойственное юродивому. 2. Нарочито ненормальное, придурковатое поведение. 3. Бессмысленный, нелепый поступок» [3, с. 1529]. Согласно «Словарю церковно-славянского и русского языка», *юрродство* – это: «1. Глупость, безумие. 2. Христианское подвижничество в виде юро-

дивого (подвижника, представляющегося глупым или странным из смирения, и ради вечно-го своего спасения)» [15, с. 477].

Приведенные дефиниции помогают выделить конститутивный признак понятийной составляющей концепта *юрродство* – нарочитое или намеренное безумное поведение, необходимое для духовного подвига и приобретения смирения. Дополнительные значения приведенной лексемы *глупость, безумие; бессмысленный, нелепый поступок* указывают на размывание доминирующего признака, что свидетельствует о неоднородном понимании феномена *юрродства* в коммуникативно-массовом сознании русского народа.

Дефиниция лексемы *лжеюрродство* не представлена в словарях, однако очевидно, что префикс *лже-* (который обозначает *обман или ложь*) полностью трансформирует понятийное ядро концепта *юрродство*. В русской лингвокультуре *лжеюрродство* отрефлексировано несколькими лексемами, например: *пустосвятство, ханжество*. По определению словаря В. Даля, «ханжество – притворная набожность; пустосвятство» [18, с. 596] и «пустосвятство – набожность внешняя, мнимое, наружное благочестие, голая обрядливость; оказательство, суетность богопочитания; прямое ханжество, лицемерие» [17, с. 1420]. В указанных дефинициях подтверждается то, что *лжеюрродство* происходит из мнимой набожности, сопряженной с лицемерием, наблюдается абсолютная редукция сакральности.

Рассматривая *кликунство* как один из аспектов *лжеюрродства*, О.А. Дмитриева считает, что хотя *кликунство* представляется типичным признаком поведения женщины, «такая позиция неправомерно сужает понимание концепта “лжеюрродство”, гендерная специфика которого нами не зафиксирована и не является релевантным признаком» [5, с. 31]. Если обратиться к тексту, составленному царем Иоанном Грозным (II послание к Собору), где содержится жалоба о том, что *лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат: св. Анастасия и св. Пятница велят им* [14, с. 216], то становится очевидным, что в ряд *лжеюрродивых* включены разновозрастные феминные и маскулинные представители русской лингвокультуры.

Являясь концептами, *юрродство* и *лжеюрродство* реализуются как тип коммуникативного поведения личности. Поэтому обращение к языковым личностям *юрродивый* и *лже-*

юродивый, реализующим данный тип поведения, позволит более подробно и полно рассмотреть данные корневые концепты. Мы можем выделить некоторые общие черты, присущие коммуникативному поведению *лжеюродивых*, а также контексты, раскрывающие концепт *лжеюродство*.

С одной стороны, типичная стратегия поведения *лжеюродивого* – произвести впечатление на окружающих: *много юродивых и других странных и полупомешанных людей являлись в церкви в «кошунных одеждах», кричали, пели и делали разные бесчинства во время богослужения – единственно из корыстного желания обратить на себя внимание богомольцев* [14, с. 216]. Или другой пример: *Идя же в дом еще более благочестивый, он (о. Андрей) надевает на себя вериги, зная, что его оставят там ночевать, и устроит так искусно, что непременно кто-нибудь увидит его вериги. Приготовят ему мягкую и чистую постель, но он никак не ляжет на нее, а ляжет на голом полу. «Поспишь здесь на жестком», говорит он, «на том свете уснешь на мягком». На этом же основании он прикидывается великим постником и в доме ханжей съедает только два грибка да солененький огурчик* [13, с. 91–92].

С другой стороны, обязательным признаком *лжеюродивого* является внешняя имитация или подражание «юродивому Христа ради», например: *Ксенофонт Пехорский ... променял труды, хотя тяжелые и непробыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добывание денег юродством. Сметливый мужик понял, как и чем можно действовать на людей. Здоровый человек лет тридцати, он вдруг представился болящим, постящимся, стал ходить босиком с большою палкой в руках, с непокрытою головой, и начал говорить темные речи, вполне уверенный, что на его век станет дураков, которых бы он руководствовал на пути к спасению* [13, с. 73].

В указанном примере представлены ценностные ориентиры *лжеюродивого*: выгода, почет, слава, намерение казаться святым, иными словами, он «перевоплощается» ради корысти, и в этом есть ключевой момент разграничения *юродства* и *лжеюродства*. Ценностные приоритеты истинных *юродивых*: смирение, поношение и унижения, тайный духовный подвиг.

Считаем необходимым рассмотреть *лжеюродство* как проявление какой-либо болезни (душевной/нравственной/физической). Из-

вестно, что у душевнобольного существует разлад психического строя на разных уровнях: 1) поверхностном (поведенческом), который проявляется в психопатии; 2) эмоциональном; 3) еще более глубоком, когда у человека расстраиваются мышление, воля и он начинает заражаться разными бредовыми идеями и галлюцинировать. Такой человек неадекватно устанавливает связи между событиями и людьми, не критичен по отношению к себе и окружающим. Иными словами, из-за нарушения самосознания человека, целостности личности нарушается способность руководить своими желаниями, мыслями, волей. Проиллюстрируем: *От природы не имевший рассудка, простой мужик одной из близлежащих к Задонску деревень – Антонушка имел постоянное пребывание в этом городе и славился там как юродивый прорицатель и псевдо-чудотворец ... При полном отсутствии рассудка, он редко говорил; если же проговаривал иногда два-три слова, то уже твердить их несколько раз безостановочно ... Члены семейства, желая каждый услышать предсказание о будущем, выходили по одиночке из другой комнаты и показывались Антонушке. При входе одного из сыновей г. С-ва, он начал повторять: «паромы плывут ... паромы плывут». Вышла девушка, Антон заговорил: «Чи дивка без котов пришла? Чи дивка без котов пришла?» При появлении другой, он сказал: «вари кулешу, вари кулешу». Куцу Ш-ну, родственнику С-ва, Антон прорек: «Чи мене на поселенье сошлют? Чи мене на поселенье сошлют»? Антонушке потчевали чем Бог послал и отвезли во свояси [13, с. 133–137]. Таким образом, психическая болезнь не является обязательным релевантным признаком *лжеюродства*, а носит факультативный характер.*

Обращаясь к коммуникативному поведению *лжеюродивых*, отметим, что оно бессодержательно с точки зрения воздействия на ценностные доминанты реципиентов, т.к. копируется лишь внешняя сторона поведения *юродивых* и оно не базируется на стремлении к святости. Проиллюстрируем примером: *Предсказания его (Ивана Яковлевича) и записочки всегда (были) загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все, и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются* [Там же, с. 8]. Более того, мы не зафиксировали случаев, чтобы человек, поверив *лжеюродивому*, впоследствии уверовал в Бога, стал ориентироваться на суперморальные цен-

ности. Напротив, попав под влияние лжеюродового, человек слепо следует за ним. Приведем пример, где представлено обличение заблуждения:

*На похороны Ивана Яковлевича Корейши
Угас пророк, достойный лучшей доли! ...
Кто будет мило так дурачить вас, как он,
И услаждать ваш слух своею бранью?
Кто будет вас кормить бурдою с табаком
из грязного, вонючего сосуда ...
Того уж нет, к кому полвека напролет
Питали вы в душе благоговенье,
И, в слепоте, всему, что сдуру ни совет,
Давали вы глубокое значенье.
Да, плачьте, бедные, о том, кого уж нет,
Кто дорог был равно для малых и великих;
Но плачьте и том, что просвещенья свет
Еще не озарил понятий ваших диких!* [13, с. 36–37].

Добавим, что автор описал реальные события из жизни лжеюродового И.Я. Корейши и его почитателей.

В современном массовом сознании оценка поведения юродового и лжеюродового совпадает и характеризуется следующими лексемами: *странное, нелепое, эпатажное, ненормальное, нарочитое, неадекватное, чудное, провокационное, непотребное* и др. Однако если для юродового данный тип поведения, а именно пренебрежение общепринятыми нормами поведения, является намеренной стратегией поведения для сокрытия нравственно-го подвига, то в случае с лжеюродовым следует говорить о формальном характере, обусловленном материальным интересом. Поэтому именно несоответствие ценностных приоритетов, определяющих причины ненормативного поведения юродового и лжеюродового, выводит нас на единственный диагностический признак, разграничивающий юродство и лжеюродство, – пренебрежение нормами, или жизнь согласно Заповедям Божиим, транслирующим суперморальные ценности.

Анализируемые концепты принадлежат бытийной сфере человека. Признавая, что «существование – всегда усилие <...> и как только борьба ослабевает – существование теряет свою интенсивность» [4, с. 32]; добавим, что для юродовых и лжеюродовых *мир – это сцена, но если мы заглянем за кулисы, т.е. если посмотрим на них, когда они одни и не предполагают наличия посторонних глаз, то в первом случае мы увидим святых подвижников, а во втором – проходимцев и грешников* [12]. Приведем соответствующий при-

мер поведения лжеюродового: *Один благочестивый купец, зайдя раз нечаянно к своему приказчику, застал там столь почитаемого им отца Андрея среди полного разгула, да еще в пятницу, а приказчики еще нарочно поставили перед ним тарелку с колбасой. – Что ты это делаешь, отец Андрей? – вопрошает изумленный почитатель юродового пройдохи. Отец Андрей, нисколько не сконфузясь, отвечает: – А разве ты не читал в Прологе, что угодники Божии также ели колбасу? В другой раз одна барыня застала его со своей горничной. – Что ты, батюшка, озорничаешь? – сказала она, всплеснув руками. – Нет, матушка Матрена Ивановна, – отвечал пройдоха – не озорничаю, а искушаю...* [13, с. 93–94]. В тексте, кроме примера безнравственного поведения, мы находим номинацию лжеюродового лексемой *пройдоха*, которая означает «пролаз, проныра, хитрый плут, от которого ничего не уйдет» [17, с. 1271].

Как отмечает О.А. Дмитриева, при внешнем сходстве как в образно-перцептивном плане, так и в коммуникативном проявлении основным критерием разграничения данных концептов является признак *христоцентричности: юродивый Христа ради*, борющийся с гордыней и тщеславием, стоит в оппозиции к проходимцу, юродствующему во имя себя и для себя, стремящемуся подпитать свою гордыню. В данном случае имеет место тот факт, что сам подвиг нужен уже ради гордыни – с целью материальных выгод или манипуляции кем-то, или удовлетворения собственной власти [5, с. 32].

Можно утверждать, что, внешне и формально подражая юродовому, играя его роль, *лжеюродивый* создает себе имидж «праведника». Рассмотрим взаимосвязь понятий «имидж», «роль», «образ», поскольку они дают нам представления о человеке, определяя дальнейшее восприятие его поведения.

В буквальном переводе с английского «имидж» (*image*) означает «образ». Это понятие происходит от латинского *imago*, связанного со словом *imitari* – имитировать. Для дифференциации в первую очередь обратимся к лексеме «образ».

«Большой толковый словарь русского языка» определяет *образ* как: «1. Внешний вид, облик; наружность, внешность. 2. Живое, наглядное представление о ком-л., чем-л., возникающее в воображении, мыслях кого-л. 3. Форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение

сознанием предметов и явлений внешнего мира. 4. Обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. 5. Характер, склад, направление чего-л. 6. Способ, средство» [3, с. 682]. Как видим, шесть разных значений русского слова «образ» перечислены по частотности их употребления.

В английском языке *image* имеет как минимум пять значений: 1) образ, 2) статуя (идол), 3) подобие, 4) метафора, 5) икона. При этом в английской речи данная лексема чаще употребляется в значении «образ», поэтому большинство лингвистов и переводят «имидж», используя это первое значение. Однако не правомерно отождествлять эти два понятия.

В типологическом портрете *лжеюродивого*, по нашему убеждению, имплицитно присутствует понятие «образ». Проиллюстрируем примерами: *В 40-х годах (19 в.) на московских улицах появилась молодая девица, лет двадцати, не дурная собой, стройная; распущенные ее волосы были покрыты черным платком, а ноги босы. В это же время бежал в Москве известный Филипушка, с огромной палкой, на которой сидел литой медный голубь, самая же палка была весом около пуда; в другой руке у него был колокольчик, и он в него звонил. Одежда у него была полумонашеская. За Филипушкой постоянно бегала толпа женщин и мальчишек* [13, с. 101–102]. Данное описание внешности *лжеюродивых* дает наглядное и живое представление о подобной категории людей. Не зная внутренней составляющей индивида, сложно безошибочно определить его аксиологическое наполнение и, напротив, легко ассоциировать его с положительным образцом. Рассмотрим на примере: *крепко соблазнившись возможностью набрать трудовых, чужих грошей, Никанор облачается в черную власяницу, отрицает себе бороду и волосы, и превращается таким образом в отца Никанора. В этом новом чине он сначала терся около простосердечных пришельцев – мужичков и баб – потом, приискав себе ловких пидбрихачей, вдруг скрылся – затем разнесся слух, что Никанор затворился и жаждущим прорицает будущее* [Там же, с. 130]. Как мы видим, формальное сходство с юродивым представляется выгодным с позиции улучшения материальных благ. Считаем допустимым в вышеизложенном примере сделать акцент на то, что в понятийной составляющей лексемы «образ» первое значение понятия – «внешний вид, облик; наружность, внешность» транс-

формируется в последнее шестое значение – «способ, средство» (жизни, существования, обогащения, наживы).

Перейдем к рассмотрению понятия «имидж». Согласно «Толковому словарю Ефремовой», *имидж* – «образ человека, включающий в себя внешность, манеру поведения, общения и т.п., способствующие воздействию на окружающих» [6].

«Большой иллюстрированный словарь иностранных слов» дополняет: *имидж* – «целенаправленно сформированный образ (какого-л. лица, явления, предмета), выделяющий определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-л. в целях популяризации, рекламы и т.п.» [2, с. 293].

Как видим, в данной дефиниции выделяются: 1) наличие/отсутствие тех или иных ценностных характеристик и 2) способность воздействия на окружающих в разных целях. Обратимся к «имиджу» *лжеюродивого*.

Рассуждая о сущности «лжеюродства», И.Г. Прыжов пишет: *Она (Агаша), без сомнения, из крестьянок, потому что из барынь не когда не выходили юродивые: барыни только умеют спастись посредством юродивых! ... долгое время собирались к Агаше барыни и купчихи, узнать у ней о будущем, спросить о покраже, словом – отвести себе душу в беседе с существом, которое они считали несравненно высшим себя ... И лже-юродивые, понимая очень хорошо свое высокое общественное значение, и держали себя, как можно выше и величественнее ... Это понимала и Агаша. Бывая в церкви, она нисколько не церемонилась: была как дома, разговаривала громко и, когда нужно, смеялась* [13, с. 114–116]. В приведенном отрывке Агаша посредством *бесцеремонности, громкого разговора и смеха* целенаправленно и преднамеренно формировала свой имидж и создавала у людей определенную оценку этого образа.

Формирование имиджа имеет свою стратегическую цель – манипулирование окружающими. Для этого, например, *лжеюродивый* часто пытается возвысить свой статус через различные беседы, при этом прославляя в них себя самого. Проиллюстрируем примером: *Пожив немного в своей келье и вероятно соскучившись, он (Гавриил) опять явился в Москве к неописанной радости его почитателей. Он им рассказывал, что ему там не давали покоя разные демонские искушения. Демоны в разных видах не оставляли*

его ни днем, ни ночью ... к нему то являлись разные чудовища, то слышался вой волков, то будто бы разбойники пришли его убить и топорам стучатся в его двери, то появлялись молодые нагие красавицы и обнимали его [13, с. 80].

Для формирования позитивной оценки своей личности у окружающих лжеюродивый(вая) прибегает к грубому обращению, пренебрежению, фамильярности. Например: *Слава о Марье Ивановне росла, к ней съезжались московские барыни и купчихи, наконец она исцелила одного богатого откупщика и этим приобрела еще большую славу ... На основании того, что Марья Ивановна была необыкновенная женщица, не похожая на остальных смертных, она обращалась с своими знакомыми свысока, даже грубо, что еще выше поднимало ее в общем мнении. Всех, без различия звания и пола, она называла одними только именами: Иван, Степан, Ольга, Катерина, Анна и т. под., хотя эти Ивановы и Степаны, послушные ей как овечки, считались в миру самыми сильными людьми. В ее гостиничной решались разные общественные и домашние дела* [Там же, с. 108–110]. Уже сформированный имидж Марьи Ивановны как «необыкновенной женщины» затеняет ее отрицательные черты.

И наконец, определенная психологическая тактика воздействия способствует повышению имиджа лжеюродивого, например: *Каждый богомolecь подходил, прикладывался к образам на палке и давал гроши. Беспрепятственный перечень душ, которых он (Федор) обязывался поминать, надоедал ему; и вот, едва крестьянин, или крестьянка откроет рот и успеет вымолвить «помяни...» святоша прерывает начатую фразу лаконическими возгласами, с киваньем головой, знаю!... знаю, кого!... знаю... Удивленные богомольцы благоговейно крестятся и шепчутся между собой: вот уж подлинно-то святая душевья! ты только рот разинешь, а уже он и знает кого нужно помянуть* [Там же, с. 148–149]. Беспристрастный автор этих строк не смог воздержаться от употребления лексемы «святоша», передающей негативное отношение к лжеюродивому Федору.

Рассматривая «лжеюродство» как позерство, игру / исполнение определенной роли, необходимо рассмотреть дефиницию «роль». Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, роль – «1. ж. 1) а) Художественный образ, создаваемый актером (на сцене, в кинофильме и т.п.); б) перен. Неестественная, наигран-

ная манера поведения. 2) Совокупный текст одного действующего лица в пьесе. 3) перен. Степень участия, влияние, значение в каком-л. деле, предприятии, событии. 4) Форма поведения человека в какой-л. ситуации, обусловленной определенными обстоятельствами (в социологии). 2. м. То же, что: роль (2) [6].

Как мы убедимся из нижеследующего, лжеюродивый, как и актер, создает образ и сам исполняет отведенную себе роль. Проиллюстрируем: *С тех пор, как он вышел на общественную деятельность, на общественное служение, он (Матюша) был нищим в городских рядах, и для удовольствия именитого купечества кувырчался и дурачился за копейку серебром* [13, с. 67]. Этот пример подтверждает определение, что роль – «назначение, функция кого-, чего-л.; род деятельности, проявление себя в качестве кого-л.» [3, с. 1128].

В словаре М.И. Михельсона «Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» находим сочетания с лексемой «роль»: «Знать свою роль – (иносказ.) знать как действовать» [11, с. 270] и «Входить в свою роль – (иносказ.) привыкнуть к своему общественному положению и сопряженному с этим обращению» [Там же, с. 111]. Эти фразеологизмы напрямую относятся к лжеюродивому(вой), например: *Но Марфа Герасимовна снова вошла в затвор, снова начала плести кружева, высовываться из своего окошечка и изрекать оттуда кару или спасение, смотря потому, как ей вздумается. Снова толпы купчих и барынь теснятся у ее окошечка, ожидая ее по часу или по два ... Вот подошла к окошку старушка мещанка, и причитает умильным голосом: «дай ты, матушка Марфа Герасимовна, дай ты, матушка, дитяте-то моему, Насте, благословеньце-то». Сайка сунута, сунут и двугривенный, но Марфе Герасимовне (все) больно надели, она подошла к решетке, зарычала и ушла, а бедная мещанка столичного города Москвы начинает выть и голосить, что и великая-то она грешница, которой Марфа Герасимовна и кружевца-то не пожаловала, и как ей быть теперь бедной, куда деваться и что соорудить с детищем* [13, с. 119].

Фразеологизм «играть роль» означает действовать, участвовать в действиях [11, с. 279]. Лжеюродивый(вая) всегда «играет роль», но случается, что продуманная и запланированная игра бывает не всегда удачной, например: *Потом, не обращая внимания на вошедших, он (Серафим) сказал: «Вот пришли! Они думают, что я цыган, буду им во-*

рожить о деньгах. Деньги украла рыжая девка!» Но эта меткая фраза не одурачила г-жи А-ой: она сейчас же догадалась, что плут Серафим уже слышал о пропаже денег из разговоров сестры ее, часто бывающей у Ф-ой, и потому не обратила особенного внимания ни на лже-пророка, на пророчество [13, с. 153]. В приведенном тексте лжеюродивый номинируется ярким синонимом – плут.

Так же как и одежду, лжеюродивый(вая) зачастую примеряет и меняет роль. Например: *И теперь, когда мать Ольга отъезжает в Петербург, она шапочку меняет на чепчик, шушун на салоп, живет в Петербурге припеваючи, и когда порастрясет свои капиталы, возвращается в Москву, снова облачается в шушун и шапочку и отправляется на подвиг спасения замоскворецких купчих* [Там же, с. 59]. Перед нами две диаметрально противоположные роли – зажиточная барыня (пока есть средства) и юродивая нищенка (когда средства заканчиваются) в исполнении одного и того же человека.

Обобщим вышеизложенное. В современной русской лингвокультуре концепт *юродство* трансформировался и частично редуцировался. Из-за потери центральной доминанты юродства – христоцентричности произошла перестановка важнейших диагностических признаков: *добровольный подвиг, готовность терпеть поношения и унижения ради приобретения смирения*, а также ценностных приоритетов, определяющих коммуникативное поведение юродивых Христа ради: *аскетизм, самоуничтожение, обличение, наставление, пророчество*. Ценностными приоритетами лжеюродивых являются следующие: *привлечение внимания, материальное благополучие, извлечение выгоды из обстоятельств, расположения, болезни*. Понять содержание концепта *лжеюродство* помогает обращение к формальным признакам или внешним проявлениям *юродства*. Отсутствие ценностной доминанты *Христа ради*, внутренней духовной наполненности, наличие внешней атрибутики при типичном коммуникативном проявлении выявляют сущность *лжеюродства*. Таким образом, устанавливается минимизация сакральности (выражающейся в святости) у *лжеюродивого*, которая из истинной (как у юродивого) трансформируется в мнимую и ложную. Предлагаем рассматривать *лжеюродство* в качестве имиджа по отношению к *юродству*.

Список литературы

1. Азаренко Н.А. Языковое представление авторской метафоры Ф.М. Достоевского «юридический персонаж есть христоролик персонаж» (на примере романа «Преступление и наказание») // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5. С. 306–309.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: АСТ: Астрель: Рус. словари, 2002.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
4. Бугаев А.Е. Когнитивно-экзистенциальная проблематика времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2 ч. Ч. II. С. 31–34.
5. Дмитриева О.А. Языковая репрезентация концептов «юродство» и «лжеюродство» в русской лингвокультуре // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: сб. материалов 8-й Всерос. науч. конф. Иркутск, 16–17 окт. 2014 г. С. 30–34.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/ (дата обращения: 12.01.2015).
7. Калашникова Л.В. Лингвистическое понимание концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2 ч. Ч. I. С. 98–100.
8. Карасик В.И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. Вып. 4(30). Екатеринбург, 2009. С. 9–13.
9. Маслий Е.В. Ценностная составляющая концепта «юродство» как самобытного феномена русской культуры // Учен. зап. ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Симферополь, 2007. Т. 20 (59). № 1. С. 354–360.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: TerraСистемс, 2008.
11. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: СПб.: Брокгауз-Ефронь, 1912.
12. Недоспасова Т. Русское юродство [Электронный ресурс]. URL: <http://nedospasovat.narod.ru/urodstvo.html> (дата обращения: 19.12.2014).
13. Прыжов И.Г. 26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. М.: Тип. Семена, 1865.
14. Пыляев М.И. Старое житие. Очерки и рассказы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. Т. 4 (Р–Я). СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1847.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Яз. рус. культуры, 1997.

17. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3 (П–Р). Спб.-М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1907.

18. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 (С-Ижица). Спб.-М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1909.

* * *

1. Azarenko N.A. Jazykovoje predstavlenie avtorskoj metafory F.M. Dostoevskogo «jurodivyj personazh est' hristolikij personazh» (na primere romana «Prestuplenie i nakazanie») // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2013. № 5. S. 306–309.

2. Bol'shoj illjustrirovannyj slovar' inostrannyh slov. M.: AST: Astrel': Rus. slovari, 2002.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000.

4. Bugaev A.E. Kognitivno-jekzistencial'naja problematika vremeni // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 9 (23): v 2 ch. Ch. II. S. 31–34.

5. Dmitrieva O.A. Jazykovaja reprezentacija konceptov «jurodstvo» i «lzhejurodstvo» v russkoj lingvokul'ture // Problemy konceptual'noj sistematiki jazyka, rechi i rechevoj dejatel'nosti: sb. materialov 8-j Vseros. nauch. konf. Irkutsk, 16–17 okt. 2014 g. S. 30–34.

6. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolково-slovoobrazovatel'nyj [Jelektronnyj resurs]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/ (data obrashhenija: 12.01.2015).

7. Kalashnikova L.V. Lingvisticheskoe ponimanie koncepta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2008. № 1 (1): v 2 ch. Ch. I. S. 98–100.

8. Karasik V.I. Koncept kak indikator jepohi («ochkovtiratel'stvo») // Politicheskaja lingvistika. Vyp. 4(30). Ekaterinburg, 2009. S. 9–13.

9. Maslij E.V. Cennostnaja sostavljajushhaja koncepta «jurodstvo» kak samobytnogo fenomena russkoj kul'tury // Uchen. zap. TNU im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filologija. Simferopol', 2007. T. 20 (59). № 1. S. 354–360.

10. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika: ucheb. posobie. Minsk: TerraSistems, 2008.

11. Mihel'son M.I. Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii: sb. obraznyh slov i inoskazanij: SPb.: Brokgauz#-Efron#, 1912.

12. Nedospasova T. Russkoe jurodstvo [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nedospasovat.narod.ru/urodstvo.html> (data obrashhenija: 19.12.2014).

13. Pryzhov I.G. 26 moskovskih lzhe-prorokov, lzhe-jurodivyih, dur i durakov. M.: Tip. Semena, 1865.

14. Pyljaev M.I. Staroe zhit'e. Oчерki i rasskazy. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 1897.

15. Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka: v 4 t. T. 4 (R–Ja). SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1847.

16. Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija / Ju.S. Stepanov. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1997.

17. Tolkovyj slovar' zhivogo Velikorusskogo jazyka Vladimira Dalja pod red. prof. I.A. Bodujena de Kurtenje // Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. T. 3 (P–R). Spb.-M.: Izdanie T-va M.O. Vol'f, 1907.

18. Tolkovyj slovar' zhivogo Velikorusskogo jazyka Vladimira Dalja pod red. prof. I.A. Bodujena de Kurtenje // Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. T. 4 (S-Izhica). Spb.-M.: Izdanie T-va M.O. Vol'f, 1909.

Concept “false foolishness for Christ” in the light of linguistic research

There is considered and detailed the concept “false foolishness for Christ”, marked out the constitutive signs of its conceptual component. The analysis of the text material states the correlation of the notions “image”, “role”, “figure” regarding the behavior of the “false foolish for Christ”. There are revealed the value guidelines of the “false foolish for Christ” and their typical communicative strategies – development of positive image and manipulation.

Key words: *concept, false foolishness for Christ, values, role, image.*

(Статья поступила в редакцию 28.01.2015)

И.В. ЩЕГЛОВА
(Астрахань)

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕФИНИЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «БЕДНЯГА»

Описана понятийная составляющая лингвокультурного типажа «бедняга». Поднимаются вопросы типологии концептов данного вида. Предложена классификация лингвокультурных типажей по названию.

Ключевые слова: *лингвокультурный типаж, типаж, мотивированные названия, типаж с интерпретативной активностью.*

Обращение языковедов к лингвокультурным типажам имеет уже солидную историю. Однако этот лингвокультурологический фено-